

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси

УДК 82.0:821.161

**ГРИНЕВИЧ
ОЛЬГА АРТУРОВНА**

**СВЕРХТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ
(на примере усадебного текста в русской поэзии)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности
10.01.08 – теория литературы. Текстология

Минск, 2021

Работа выполнена в учреждении образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Научный руководитель:

Автухович Татьяна Евгеньевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии
УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»

Официальные оппоненты:

Тычко Галина Казимировна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры периодической печати и
веб-журналистики Белорусского
государственного университета

Хомякова Ольга Ромуальдовна, кандидат
филологических наук, доцент, доцент кафедры
белорусской и зарубежной литературы
УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима
Танка»

Оппонирующая организация:

**УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина»**

Защита состоится «10» ноября 2021 г. в 14.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 01.42.04 при ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: inlinasbel@tut.by; тел.: (017) 270-18-85).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 15).

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций
кандидат филологических наук

Н. В. Яковенко

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области теории сверхтекста показывают, что данная категория имеет большой потенциал осмысления с точки зрения структуры (синхронический аспект) и динамики (диахронический аспект). Усадебный текст как локальный сверхтекст, функционирующий в русской литературе XVIII–XXI вв., является репрезентативным материалом для построения теоретической модели сверхтекста, что предполагает выявление ее инвариантных характеристик и механизмов функционирования и определяет *теоретическую* значимость диссертационного исследования. Длительность функционирования усадебного текста свидетельствует о его устойчивости и гибкости по отношению к меняющимся историко-литературным условиям, что позволяет сфокусировать внимание на особенностях динамики сверхтекста; проекция теоретической модели сверхтекста на историю важнейшей проблемно-тематической и жанровой линии литературы и культуры определяет *историко-литературную* составляющую актуальности исследования. Структура усадебного текста включает не только национальные, но и общекультурные компоненты, помещающие его в широкий контекст европейской культуры и позволяющие выявить формы межсемиотического взаимодействия литературы и других видов искусства, что обуславливает *общекультурную* составляющую актуальности темы диссертации.

Диссертационное исследование, в котором впервые выявляются инвариантные особенности и механизмы функционирования локального сверхтекста как феномена литературного процесса в его взаимодействии с историко-литературным, эстетическим и социокультурным контекстами, утверждает приоритет белорусской науки в современном литературоведческом дискурсе. Его результаты могут быть использованы для выявления и дальнейшей разработки локальных текстов, отражающих национальные особенности белорусской культуры.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами

Диссертационное исследование выполнялось в ходе научно-исследовательской работы «Антропология повседневности в русской и белорусской литературах конца XX–XXI веков» в рамках государственной комплексной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» (№ госрегистрации 20162316, 2016–2020 гг.). Диссертационная работа соответствует п. 11 «Общество и экономика» перечня приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь на 2016–2020 гг., утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.03.2015 № 190.

Цель и задачи исследования

Цель работы – обосновать теоретическую модель функционирования и развития сверхтекста как феномена литературного процесса на примере усадебного текста в русской поэзии.

Для достижения цели необходимо решить следующие *задачи*:

1. Разработать методологический подход к анализу сверхтекста как семиосферы, организованной по модели «центр – периферия».
2. Определить закономерности и механизмы функционирования сверхтекста на уровнях семантики, синтактики и прагматики.
3. Обозначить особенности функционирования риторической модели сверхтекста на стадии рефлексивного традиционализма с проекцией на уровни семиозиса.
4. Выявить закономерности трансформации сверхтекста в процессе формирования классической инвариантной модели на стадии эстетического креативизма.
5. Рассмотреть механизмы рецепции сверхтекстовой парадигмы на стадии постсимволизма (неклассической поэтики).

Объект исследования – сверхтекст как феномен литературного процесса.

Предмет исследования – структура, инвариантные модели и механизмы функционирования сверхтекста.

Материал исследования – произведения русской поэзии XVIII–XXI вв.

Научная новизна

В диссертационном исследовании на примере усадебного текста русской литературы выявлена теоретическая модель функционирования сверхтекста. Синхроническая модель, предполагающая объединение текстов по принципу общности семантической парадигмы, дополнена определением механизмов динамики сверхтекста, основанных на отношениях информационного обмена в системе «текст – контекст», а также на специфике межсемиотических контактов между разными художественными языками в структуре сверхтекста. Это позволяет рассматривать сверхтекст не изолированно, а в контексте литературного процесса и проследить изменения его инвариантной структуры на разных стадиях развития поэтики, что отличает данную теоретическую модель от сложившихся в современном литературоведении методологических подходов к исследованию сверхтекста.

Положения, выносимые на защиту

1. Как вторичное знаковое образование сверхтекст организован по принципу семиосферы, состоящей из ядерных и периферийных компонентов, которые можно рассматривать как в синхронической, так и в диахронической перспективе. В синхронической структуре сверхтекста ядро семиосферы – наиболее устойчивый компонент его семантики, включающий мифологический субстрат (для уса-

дебного текста – Золотой век, Элизиум, Аркадия, Рай), систему оппозиций (природа – культура, деревня – город, естественное – искусственное, свое – чужое, прошлое – настоящее и др.), а также систему сквозных образов, мотивов и топосов. К периферийным относятся контекстуальные элементы сверхтекста, отражающие динамику топоса на разных стадиях литературного процесса. С точки зрения диахронии, ядром сверхтекста является наиболее интенсивный период его развития, периферией – начальный и завершающий (современный) этапы его функционирования.

2. Каждый фрагмент сверхтекстовой семиосферы в силу своей знаковой природы организуется в соответствии с уровнями семиозиса: семантики (миф, система оппозиций), синтактики (линейные связи между компонентами семантики) и прагматики (субъектная организация, межтекстовые и внетекстовые связи). Семантика занимает парадигмообразующую позицию и определяет инвариантную систему значений, которая реализуется на уровне синтактики. Внетекстовые и внутритекстовые связи отражаются на уровне прагматики (диалог автора с традицией, разные формы цитирования, вовлеченность в эстетические дискуссии эпохи, взаимодействие вербального и визуального, поэзии и прозы, художественного и документального начал).

3. Ключевые элементы семантики сверхтекста формируются на стадии рефлексивного традиционализма и организуются в рамках риторической инвариантной модели (для усадебного текста: середина – вторая половина XVIII в.). Базовые оппозиции сверхтекстов эксплицированы в структуре риторических противопоставлений. Связь между элементами семантики осуществляется в соответствии с принципом параллелизма. Формируются два типа сюжета: прескриптивный (ситуация выбора между разными жизненными позициями) и дескриптивный (ситуация любования пейзажем). Коммуникативный уровень представлен разными формами взаимодействия с литературной традицией (горацианской, анакреонтической, пасторальной, панегирической, эпистолярной). Элементы описания (визуальное) и рассуждения (вербальное) в тексте подвергаются взаимному переводу.

4. На стадии эстетического креативизма компоненты семантики сверхтекста образуют классическую инвариантную модель, в основе которой лежит элегический хронотоп, связанный с ситуацией утраты, ностальгическими мотивами, оппозицией прошлое – настоящее. Главенствующим синтагматическим принципом является не логика риторической аргументации, а логика развития лирического сюжета. Элегический метасюжет взглядывания в прошлое реализуется в сюжете / жанре прогулки. Отношения в системе «текст – контекст» организуются в соответствии с механизмами контекстуализации (восприятие топики с учетом биографических, исторических контекстов) и деконтекстуализации (манифестация самоценности текста). Уровень прагматики сверхтекста характеризует интенсифи-

кация внутритекстовой, внетекстовой и межтекстовой коммуникации и межсемиотического перевода; ключевым коммуникативным процессом становится автокоммуникация.

5. В неклассический (постсимволистский) период происходит перераспределение семиотических уровней сверткста: семантика подвергается трансформации с помощью метафорического и метонимического механизмов. Коммуникативные процессы неклассического периода, постулирующие главенствующую роль читателя / реципиента и статус текста как коммуникативного события, выдвигают на первый план сверткстовой организации уровень прагматики, а также способствуют интенсификации связей между текстом и контекстами на уровне синтактики. Семантика сверткста формируется в результате коммуникативных взаимодействий разных художественных языков, как вербальных, так и визуальных, диалогических отношений между разными интерпретационными кодами в иронической, элегической, идиллической модальностях, что придает тексту характер палимпсеста. На смену автокоммуникации приходит культурная метарефлексия.

Личный вклад соискателя ученой степени

Диссертационное исследование является научной работой, выполненной автором самостоятельно в полном объеме. Все статьи написаны без соавторов.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Основные положения и выводы исследования обсуждались на 13 международных и республиканских научных конференциях: Международной студенческой научной конференции «Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий» (Брест, 19–20 февраля 2015 г.); XVIII всероссийской научно-практической конференции «Синтез в русской и мировой художественной культуре» (Москва, 23–24 ноября 2017 г.); Международной научной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Гродно, 19–21 сентября 2016 г., 21–23 сентября 2018 г.); Международной научной конференции «Аксиологический диапазон художественной литературы» (Витебск, 23–24 марта 2017 г.); Международной конференции русистов в Барселонском университете «Актуальные проблемы и перспективы русистики» (Барселона, 20–22 июня 2018 г.); Всероссийской конференции с международным участием «“Стиль” и “вкус” в русской усадьбе» (Москва, 30–31 октября 2018 г.); V республиканской научно-практической конференции молодых ученых «Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання» (Минск, 22 марта 2019 г.); Международной научной конференции «Культ-товары: коммерциализация истории в массовой литературе и культуре современной России» (Болонья, 29–31 мая 2019 г.); Международной научной конференции «“Усадебный топос” в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: отечественный и мировой контекст» (Москва, 19–22 июня 2019 г.);

Международной научной конференции «80-летие елецкой филологии» (Елец, 17–19 октября 2019 г.); Международной научной конференции «Усадьба реальная – усадьба литературная» (Москва – Мелихово, 25–26 сентября 2020 г.); Научно-практической конференции с международным участием «Русская усадьба в искусстве, литературе и художественных коллекциях XVIII – начала XXI веков» (Музей-усадьба «Архангельское», 28–29 мая 2021 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (акты внедрения: от 09.09.2019 № 03-8/067, от 29.05.2020 № 03-8/017).

Опубликование результатов диссертации

Основные положения и результаты диссертации отражены в 32 публикациях. Из них 2 публикации – разделы коллективных монографий (1,15 авт. л.), 8 статей представлены в научных журналах, соответствующих п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь (6,51 авт. л.), 17 – статьи в научных журналах и сборниках научных статей (8,41 авт. л.), 5 – материалы научных конференций (2,54 авт. л.).

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, библиографического списка, который включает список использованных источников (317 позиций) и список публикаций соискателя ученой степени (32 позиции). Общий объем исследования составляет 209 страниц, в том числе основной текст – 131 страница, библиографический список – 25 страниц, 3 приложения – 49 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе 1 «Сверхтекст как семиосфера: структура и динамика» выявляются ракурсы рассмотрения проблемы, определяется методология, намечаются основные характеристики теоретической модели сверхтекста, уровни ее анализа.

В разделе 1.1 «Аналитический обзор по теме диссертации, определение проблемного поля и методологии исследования» рассматриваются этапы и направления исследования сверхтекста, сложившиеся в современной филологической науке: работы тартуско-московской семиотической школы, посвященные петербургскому тексту (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц и др.); исследования локальных сверхтекстов, основанные на данной методологии (Г. С. Кнабе, В. В. Абашев, Н. Е. Меднис, А. П. Люсый, Е. А. Смышляев и др.); литературоведческие и лингвистические исследования по структуре и типологии сверхтекстов (Н. Е. Меднис, Н. А. Купина, Г. В. Битенская, А. Г. Лошаков, О. И. Лыткина, О. С. Шурупова и др.). Показано, что исследования усадебного текста основаны

на методологических посылках В. Н. Топорова и его последователей и фокусируют внимание на семантике, системе образов и мотивов (В. Г. Щукин, Л. И. Густова, М. В. Глазкова, В. А. Доманский, Т. М. Жаглова, Е. П. Зыкова, Е. В. Подарцев, О. А. Попова, А. Г. Разумовская и др.), аксиологических константах усадебного пространства (О. А. Богданова, Т. Ю. Колягина, Л. Н. Летягин, Н. Л. Вершинина, Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова), инвариантных свойствах сверхтекста, обеспечивающих его целостность. Для выявления текстопорождающей модели и механизмов динамики сверхтекста учитывались работы по теории топики и отдельным усадебным топосам (Э. Р. Курциус, А. А. Булгакова, Л. И. Сазонова, Д. С. Лихачев, М. Н. Соколов и др.), междисциплинарные исследования в области *visual studies* (Т. Е. Автухович, Н. В. Брагинская, Е. А. Городницкий, Т. В. Зверева, Т. Смолярова, А. А. Хадынская, О. А. Ханзен-Лёве, М. Б. Ямпольский и др.), а также труды по теоретической и исторической поэтике (С. С. Аверинцев, С. Н. Бройтман, В. И. Тюпа, Ю. М. Лотман, Ю. К. Щеглов, А. К. Жолковский и др.), определившие методологическую базу диссертационного исследования.

Доказывается необходимость рассмотрения сверхтекста в рамках теоретической и исторической поэтики: как объект теоретической поэтики он представляет собой надтекстовое образование, сохраняющее устойчивость на протяжении длительного времени, а с точки зрения исторической поэтики подчиняется законам семиозиса, регулирующим его функционирование в литературном процессе. Данный подход позволяет не только выявить синхронические особенности сверхтекста, но и определить механизмы его функционирования в литературном процессе. Отмечается, что в белорусском литературоведении заложены основы историко-литературного исследования усадебного топоса (И. А. Бурделева). Материал белорусской литературы в диссертационном исследовании рассматривается как пример выражения национальной специфики усадебного топоса, изменения усадебной семантической парадигмы в другом социокультурном контексте.

В разделе 1.2 «**Семантические парадигмы сверхтекста**» обосновывается предложение рассматривать сверхтекст как семиосферу. С точки зрения синхронии, ее центр составляют текстопорождающие модели, характерные для той или иной стадии поэтики, а периферию – отклонения от структурной схемы, вызванные изменениями историко-культурных, биографических, эстетических контекстов. С точки зрения диахронии, выделяются три этапа функционирования сверхтекста: риторический, классический и неклассический, соответствующие трем стадиям развития поэтики¹; центр семиосферы составляет классический этап.

---

¹ Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Академия, 2004. – Т. 2 : Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – 368 с. ; Аверинцев, С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / С. С. Аверинцев. – М., 1986. – С. 104–116.

Ставится вопрос о том, что функционирование сверхтекста целесообразно рассматривать как явление семиозиса, прослеживая его динамику на уровнях семантики, синтактики и прагматики. В таком случае семантика сверхтекста формирует ядро семиосферы, функция которого – обеспечивать непрерывность порождения сверхтекстовых единиц в литературном процессе, в то время как синтактика (принципы соединения знаков) и прагматика (коммуникативные отношения) относятся к периферийным участкам семиосферы. Таким образом, динамика сверхтекста обеспечивается за счет смены контекстов функционирования компонентов семантического ядра и диалогических процессов, наблюдаемых как во внутренней структуре сверхтекста, так и во внелитературной среде.

Семантика сверхтекста имеет три уровня. Первый уровень – мифологическое ядро сверхтекста (мифы о Золотом веке, Аркадии, Элизиуме и т. д.). Второй уровень включает систему бинарных оппозиций (свое – чужое, частное – государственное, деревня – город, прошлое – настоящее, природа – цивилизация и др.). Смысловые единицы первых двух уровней оформляются в системе мотивов, образов и топосов, образующих третий уровень.

Структура топики сверхтекста изменяется на разных стадиях развития поэтики, что обусловлено подвижностью границ между риторическим (топос как «общее место») и пространственным (топос, реализуемый в тексте «в виде художественного образа с пространственными характеристиками»²) компонентами, востребованными в ту или иную эпоху.

В разделе 1.3 «**Контекстуальное поле сверхтекста: код и сообщение**» охарактеризованы периферийные компоненты семиосферы сверхтекста, связанные с уровнями синтактики и прагматики.

На уровне синтактики, который, согласно Ч. Моррису, отражает отношения знаков друг к другу, между элементами семантики сверхтекста образуются связи, соответствующие разным типам контекстов: *синтагматическому* (горизонтальные связи, устойчивые словесные формулы, сюжетные последовательности); *историческому* (положение топоса по отношению к внелитературной реальности, например, типы сельских топосов – дача, царская резиденция и т. д.); *биографическому* (роль усадьбы в жизни автора); *эстетическому* (эстетические дискуссии, творческий метод и литературное направление).

На уровне прагматики сверхтекст предлагается рассматривать как коммуникативное событие. В зависимости от монологической или диалогической доминанты выделяются разные формы коммуникативной структуры, связанные с проблемой точки зрения («извне» и «изнутри»). На этапе эстетического креативизма (классический этап развития сверхтекста) разные точки зрения сфокусированы в

---

² Булгакова, А. А. Топос *мир* в смене литературных эпох (Симеон Полоцкий, Семен Бобров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / А. А. Булгакова. – Гродно, 2009. – Л. 29.

одной субъектной инстанции, что формирует механизм автокоммуникации субъекта высказывания. В неклассической художественной парадигме он трансформируется в механизм авторефлексии культуры. Важным фактором развития сверхтекста на уровне прагматики является процесс межсемиотического и интермедиального взаимодействия разных художественных языков и кодов (вербального и визуального, поэтического и прозаического, факта и вымысла). Взаимодействие между поэтическим и прозаическим художественным кодом находится в тесной связи с проблемой референции и отношениями текста и контекста.

В главе 2 **«Этап становления сверхтекста: риторическая модель»** рассматривается риторическая модель сверхтекста, сформировавшаяся на стадии рефлексивного традиционализма, выявляются предпосылки возникновения классической модели, отразившиеся на уровнях синтактики и прагматики.

В разделе 2.1 **«Семантические константы риторической модели сверхтекста»** доказываемся, что способы организации сверхтекста соответствуют принципам поэтики рефлексивного традиционализма, что позволяет сделать вывод о наличии риторической модели сверхтекста на данной стадии.

Наиболее значимые элементы плана выражения концентрируются в системе топосов, имеющих дуальную структуру. *Дескриптивный* (описательный) компонент топоса апеллирует к пространственной организации сверхтекста (дом, сад, элементы пейзажа). *Прескриптивный* (вербально-аналитический) компонент включает «готовые» аргументы, используемые в процессе риторического развертывания темы. Дескриптивный компонент преобладает в топосах реки, простой трапезы, *locus amoenus*, прескриптивный – в топосах Фортуны, умеренности (довольства малым), изобилия, уединения, благодарности Творцу.

Внутри риторической модели выделяются жанрово-тематические разновидности развития сельской темы (горацианская, панегирическая, анакреонтическая, пасторальная, эпистолярная). Например, горацианская традиция предполагает четкое ценностное разграничение частного и публичного пространства (деревни и города) по критериям простоты / пышности, покоя / суеты и т. д. В панегирической разновидности ценностное осмысление пышности, изобилия, богатого убранства дома утрачивает отрицательные коннотации.

В разделе 2.2 **«Параллелизм как принцип синтаксической организации риторической модели»** показано, что на уровне синтактики бинарную структуру риторической модели формирует прием параллелизма. *Панегирический* тип параллелизма предполагает соотнесение предмета изображения с прецедентным феноменом – мифологическим (Аркадия, Элизиум, Золотой век), историческим (Рим, египетские пирамиды), литературным (горацианский идеал золотой середины, анакреонтический идеал наслаждения). Связь между отдельными топосами регулируется *субъектным* параллелизмом – риторической визуализацией «своей» и «чужой» точек зрения, когда альтернативная жизненная позиция высказывается

отрицательным персонажем – богачом, баловнем Фортуны, суетно украшающим свои «палаты». Сопоставительные отношения между прескриптивными и дескриптивными элементами топоса образуют параллелизм *протопсихологического* типа. Пересечения между «риторическими» и «пространственными» значениями топосов, содержащих элементы полисемии, свидетельствуют о смене художественных парадигм. Основным механизмом динамики сверхтекста на данном этапе – метафорическое смещение значения топоса. Например, топос реки времен используется Г. Р. Державиным в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» в новых контекстах для иллюстрации течения исторического времени, технического прогресса (изображение сельскохозяйственных машин) и космического времени (движение светил).

Порядок следования семантических единиц в риторической модели подчиняется приему риторической разработки антитезы на основе амплификации: от перечисления «антиценностей» лирического героя (суета, алчность, воинская слава и т. д.) к описанию его нравственного идеала.

В соответствии с принципом параллелизма организуются и сюжетные линии риторической модели. Основу композиции составляет метаситуация выбора между двумя жизненными позициями, соответствующими сельскому и городскому образу жизни. Визуальная часть сюжета – обозревание идеального ландшафта – играет роль иллюстрации в цепочке рассуждений. Даже в тех случаях, когда преобладает описательное начало (например, перечисление ежедневных занятий помещика), оно поясняет дидактическую цель высказывания.

В процессе перехода от риторической модели к классической параллелизм как принцип синтаксической организации сверхтекста разрушается с помощью механизма *метафоризации* (на основе взаимодействия прескриптивных и дескриптивных компонентов топоса).

В разделе 2.3 «**Риторический и постриторический способы организации диалога в структуре сверхтекста**» показаны способы коммуникативной организации сверхтекста на риторическом этапе и механизмы его динамики.

На примере послания Г. Р. Державина «К Н. А. Львову» (1792) показано, как диалогическая жанровая природа стихотворения осложняется экфрасисом, что способствует взаимодействию вербальных и визуальных элементов текста. Экфрастическая рама воспринимается как граница между реальным и воображаемым, природой и культурой.

Репрезентация визуальности осуществляется с помощью пейзажа панорамного типа. В анонимном панегирике «На Крестовский остров графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго» (1773) отражена идеальная модель мироустройства, выстраиваемая на основе иерархизации точек зрения: от внешнего наблюдателя, гостя усадьбы (созерцание пейзажа побуждает его обратиться мыслями к Творцу – высший уровень иерархии) к хозяину имения, который, в свою очередь, **созерцающая**

открывшийся перед ним вид, представляет «щастливых поселян», объект его заботы и покровительства.

Поэтический и прозаический коды образуют функциональную оппозицию. Поэтический язык располагает большим фондом готовых формул для выражения компонентов семантического ядра сверхтекста. В записках А. Т. Болотова система оппозиций усадебной поэзии переносится в мемуарный текст, в котором противопоставлены покой деревенской жизни и превратности военной службы. Ценностная инверсия семантических оппозиций осуществляется в мемуарной книге Е. Р. Дашковой, где государственная жизнь и большая история представляют собой положительный полюс, а частная / усадебная жизнь маркируется как незначительная, нерегламентированная³.

В прозе Н. М. Карамзина формируются эмоциональные и поведенческие матрицы «естественного» человека, повлиявшие на структуру усадебного текста последующих эпох. Ключевой механизм динамики сверхтекста выражается во *взаимодействии поэтических и прозаических доминант*, где прозаическое начало связано с условным полюсом «жизни» (детали повседневности, исторические, биографические подробности), а поэтическое – с кодификацией этих элементов (полюс «литературы»). *Появление экфрастической / нарративной рамы* свидетельствует о зарождении авторефлексивной тенденции внутри сверхтекста.

В главе 3 **«Классический этап развития сверхтекста и феноменологическая деконтекстуализация топики»** охарактеризована классическая модель сверхтекста, оформляющаяся на стадии эстетического креативизма, выявлены ее инвариантные черты и механизмы динамики.

В разделе 3.1 **«Семантическая парадигма классической модели сверхтекста: вторичная мифологизация топоса»** показана переориентация семантики сверхтекста в соответствии с принципами поэтики эстетического креативизма (художественной модальности). Для данной стадии поэтики характерно формирование «уединенного сознания»⁴ автономной личности. Особенности хронотопа, образно-мотивной системы и субъектной организации классической модели сверхтекста формируются элегическим модусом художественности, что позволяет определить ее как *элегическую*.

Элегическому хронотопу соответствуют изменения в структуре топики. В стихотворении Е. А. Боратынского «Запустение» (1832) возникает оппозиция внутреннего (ожидания героя от посещения усадьбы) – внешнего (реальность), а

---

³ Автухович, Т. Е. Жизненное пространство Е. Р. Дашковой как репрезентация культуры Просвещения / Т. Е. Автухович // Е. Р. Дашкова и XVIII век: традиции и новые подходы : сб. науч. ст. / Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой ; редкол.: Л. В. Тычинина (отв. ред.), Р. Б. Мухин, Н. В. Бессарабова. – М., 2012. – С. 25.

⁴ Тюпа, В. И. Литература и ментальность : моногр. / В. И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2018. – С. 10.

бинарную пространственно-риторическую структуру топоса разрушает психологический компонент. Эти изменения формируют пограничное положение лирического субъекта.

Система топосов в усадебной поэзии на классическом этапе включает топосы *уединения, скоротечности жизни и запустения*, которым соответствуют визуальные образы руин, заросшей тропы, засохшего пруда и т. д. Топосы *творчества, воображения, мечты* формируют пространство вторичного означивания, что сопровождается введением нарративной рамы. В стихотворениях К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты» (1811) и А. С. Пушкина «Послание к Юдину» (1815) топос противопоставления войны и мира приобретает статус текста в тексте: описание битвы опосредовано мотивом рассказывания / воображения.

В разделе 3.2 «**Деконтекстуализация текстоорганизующего топоса: смена художественной оптики**» рассматривается динамика семантических элементов сверхтекста при помещении их в синтагматические контексты.

Лирический сюжет усадебной поэзии классического периода (В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского) складывается вокруг сюжета медитативной прогулки. Первую фазу сюжета составляет нанизывание визуальных «поводов» (река или пруд, руины, «семья» молодых деревьев, заросшая тропинка) и сопутствующих им размышлений, вторую – попытка выхода из неостановимого круга времени в план вечного и вневременного посредством контакта с умершими – с людьми, которые при жизни были связаны с описываемыми местами. Обязательным фоном является биографический / исторический контекст. Например, лирический герой стихотворения Н. И. Гнедича «Приютино» обращается к погибшему в 1812 г. Н. И. Оленину; в стихотворении Е. А. Боратынского «Запустение» возникает образ отца поэта, после смерти которого имение было заброшено.

На примере творчества А. А. Фета прослеживается уменьшение значимости контекста. В эстетической полемике между «реалистами» и представителями «чистого искусства» поэт занимает позицию эстетического эскапизма (взгляд на поэзию как на убежище от «гражданских скорбей»⁵), что объясняет его авторскую стратегию. В поэзии Фета реализуется *механизм деконтекстуализации* сверхтекста. Направления деконтекстуализации отображаются на тематическом (очерчивание узкого круга поэтических тем), пространственно-временном (формирование лирической ситуации упоения мигом бытия), перцептивном (установка на непосредственное чувственное восприятие природы), языковом (разрыв связи между топосом и его «готовой» словесной реализацией) уровнях текста.

---

⁵ Фет А. А. Вечерние огни / А. А. Фет ; под ред. Д. Д. Благого. – М., 1979. – С. 241.

В разделе 3.3 «**Элегическая модель автокоммуникации на уровне прагматики сверхтекста**» показано формирование новых способов коммуникации, определяющих структуру классической модели.

Формирование «*уединенного сознания*» на уровне прагматики запускает *механизм автокоммуникации* субъекта высказывания, который прослеживается в первой фазе элегического сюжета прогулки (коммуникация «я» в прошлом – «я» в настоящем). На второй фазе монологическая замкнутость на субъекте размыкается обращением к Другому.

В жанре элегической прогулки (стихотворения В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского, Н. И. Гнедича) точка зрения читателя ставится в зависимость от передвижений субъекта высказывания как в пространстве, так и во времени, что означает динамичный характер элегического пейзажа, в отличие от иерархического и статичного пейзажа риторической модели. Формы деконтекстуализации сверхтекста, особенно выразительные на фоне инвариантных составляющих сюжета прогулки, выражаются в установке на случайное, на передачу мимолетных впечатлений. Отсюда многообразие масштабов зрительного охвата пространства – от панорамного до «предельно близкого»⁶.

Взаимодействие поэтических и прозаических кодов в прозе Карамзина актуализировало сентименталистскую семантическую парадигму и «пограничный» статус субъекта высказывания. В творчестве Пушкина в усадебную поэзию и прозу включается рефлексия о «поэтических» и «прозаических» темах в литературе и осуществляется смешение разных художественных языков. Ощущение исчерпанности «поэтических» тем, с одной стороны, и стратегия эстетического эскапизма – с другой способствовали разделению поэзии во второй половине XIX в. на «гражданскую» и «лирическую» и смещению последней на периферию актуального литературного процесса. Реакцией на прозаизацию поэзии стали две авторские стратегии. Первая предполагает усвоение прозаического художественного языка, что проявляется в актуализации идеологических, исторических и социальных контекстов: в трактовках усадьбы как топоса памяти – культурной, родовой, семейной, а также ее проекции на образ России. Вторая стратегия, характерная для творчества Фета, означает преодоление прозаического влияния и проявляется в разных формах деконтекстуализации.

В главе 4 «**Сверхтекстовый канон и механизм культурной метарефлексии**» характеризуются семантические константы усадебного текста в постусадебный период, формы соотношения текста и контекста и коммуникативные механизмы.

---

⁶ Лавлинский, С. П. О двух стратегиях художественной репрезентации зримости / С. П. Лавлинский // Дискурсивность и художественность: к 60-летию В. И. Тюпы : сб. науч. тр. / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; отв. ред. М. Н. Дарвин. – М., 2005. – С. 65.

В разделе 4.1 «**Метафора и метонимия как механизмы трансформации сверхтекстового канона**» охарактеризованы изменения в семантике сверхтекста. Автономного творческого субъекта на стадии постсимволизма⁷ сменяет воспринимающий субъект, что подчеркивает открытость текста и возможность его разных интерпретаций.

Интерриоризация топоса (восприятие усадьбы как ментального пространства) определяет механизмы работы с семантическими константами сверхтекста. *Метафорический механизм* рассматривается на примере поэзии В. В. Набокова. Выделяются три метафорические конструкции, используемые для включения усадебной топики в метапоэтический контекст, что вытекает из ключевой роли ментальных процессов памяти, воображения, творчества. Первая метафора создает оппозицию речи и молчания. Речь как метафора поэзии играет роль медиатора между настоящим и прошлым. Вторая метафорическая конструкция – отражение – связывает предметный мир усадьбы (зеркала, оконные стекла) и творческий процесс за счет семантического компонента «удвоение». Мотив отражения олицетворяет симметрию между прошлым и настоящим / будущим. Третья смысловая конструкция, организующая усадебный сюжет, связана с метафорой дороги и основана на бинарной оппозиции статики и динамики. «Дорожные» метафоры организуют сюжет возвращения в родовое гнездо, а оппозиция движения и остановки используется для метафорического осмысления творческого процесса.

Метафорическая стратегия репрезентации усадебного топоса характерна для осмысления психологической травмы эмиграции. В дальнейшем развитии усадебного текста ключевую роль играет *метонимический механизм*. В этом случае интроспективный статус топоса заслоняется отсылкой к некоему подразумеваемому целому (русская культура, история, литературная традиция). Таким образом, возрастает роль контекста, который относится к уровню синтактики в семиотической структуре сверхтекста.

В разделе 4.2 «**Реконтекстуализация как фактор динамики сверхтекста**» показано, как на неклассическом этапе происходит наращивание контекстуального поля сверхтекста. Выделяются четыре механизма реконтекстуализации. Во-первых, включение в контекстуальное поле смежных по семантике сверхтекстов, что приводит в случае усадебного текста к актуализации павловского и царско-сельского текстов (Г. В. Иванов, Вс. А. Рождественский, О. Ф. Берггольц, Е. Рейн, Л. Аронзон). Во-вторых, использование усадебного кода для построения ценностного идеала, контрастирующего с современностью, что в поэзии 60–80 гг. XX в. делает усадебный текст репрезентантом памяти об утраченной дореволюционной России (Б. Ахмадулина, Вс. Рождественский, А. Кушнер). Третий механизм про-

---

⁷ Тюпа, В. И. Литература и ментальность : моногр. / В. И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2018. – С. 50.

является в интертекстуальной структуре текста, построенного по принципу палимпсеста (И. Бродский, Т. Кибиров, Б. Кенжеев). Ироническая и метафизическая интерпретации устойчивых сюжетов представляют собой четвертый механизм реконтекстуализации, действие которого показано на примере трансформации сюжета усадебной любви в поэзии Л. Аронсона и Л. Лосева.

Инверсия элегического сюжета взглядывания в прошлое выражается в том, что лирический герой, дополняющий личные воспоминания апелляцией к «культурному слою» используемой топики, сменяется лирическим героем, который собственным эмоциональным, психологическим и физическим опытом поверяет культурную традицию. Это один из сквозных сюжетов в «усадебной» поэзии Б. Ахмадулиной, означающий преодоление оппозиции «языка» и «опыта», поскольку личная память приравнивается к культурной.

В разделе 4.3 **«Культурная метарефлексия в коммуникативной организации сверхтекста»** охарактеризованы коммуникативные процессы, сопровождающие функционирование сверхтекста на неклассическом этапе.

Длительное существование русской литературы в подцензурных условиях определило ее специфику – обсуждение широкого круга идеологических и общественных проблем. Ее осознание повлияло на метарефлексивные стратегии в поэзии конца XX – начала XXI вв. – ироническую и метафизическую.

На примере сопоставления стихотворений Т. Кибирова и Б. Кенжеева показано, что ироническая линия построена на выявлении противоречий прецедентных текстов и «готовых» формул, в то время как метафизическая соединяет несколько интерпретативных слоев таким образом, чтобы смысл реконструировался по принципу герменевтического круга: из взаимосвязи частей и целого.

Вербальное и визуальное функционируют в границах разных типов художественного высказывания. Глагольный тип письма воспроизводит структурные схемы усадебной поэзии – восходящие к риторической модели противопоставления и сюжетную ситуацию выбора. Именной тип письма восходит к структурной организации элегической модели: «подвижные картины»; образный ряд, грамматически представленный именными частями речи. Во взаимодействии поэзии и прозы отражается движение от деконтекстуализации, характерной для литературы эмиграции (поэзия В. В. Набокова), к реконтекстуализации в разных течениях русской поэзии XX в. На примере творчества В. В. Набокова показано разделение между художественным и документальным (мемуарным) сегментами усадебного текста. В мемуарной прозе топосы воспоминания и воображения включаются в сеть социальных, исторических, культурных контекстов. В прозе Набокова (роман «Дар») наблюдается размывание семиотических границ между словом и изображением, поэзией и прозой, реальностью и воображением. В автобиографических романах О. А. Ильиной-Боратынской «Канун Восьмого дня», И. А. Бунина

«Жизнь Арсеньева» отражается интенсификация межсемиотических взаимодействий в контексте оппозиции языка и опыта, искусства и жизни.

Регулятором отношений в коммуникативных подсистемах сверхтекста (автор – литературная традиция, автор – текст – читатель, вербальное – визуальное, поэзия – проза) являются отношения между текстом и контекстами, которые формируются в сменяющихся друг друга тенденциях к деконтекстуализации и реконтекстуализации и механизме культурной метарефлексии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Сверхтекст представляет собой семиосферу, организованную по модели «центр – периферия». Семантика семиосферы составляет ее центр, или инвариантное ядро (парадигму), которое сохраняет устойчивость на разных этапах функционирования сверхтекста. Система инвариантных значений имеет трехуровневую структуру. Первый (глубинный) уровень образуют мифологические семантические комплексы (первичные мифы об Аркадии, Элизиуме, Золотом веке, Рае, на основе которых формируется вторичный, усадебный миф). На втором уровне мифологическая семантика расщепляется на ряд бинарных оппозиций (свое – чужое, прошлое – настоящее, время – вечность, разум – чувства, естественное – искусственное, природа – цивилизация / культура). Третий уровень конкретизирует бинарную структуру семантики в системе образов, мотивов и топосов. Если с точки зрения синхронии ядро семиосферы составляет семантика сверхтекста, а периферийными являются уровни синтактики и прагматики, которые в процессе развития семиозиса в большей степени подвержены изменениям, то в диахронической перспективе ядром сверхтекста можно считать период его наивысшего расцвета, а периферией – этапы зарождения и угасания [5; 9; 10; 13; 14; 27].

2. Особенности функционирования сверхтекста прослеживаются на уровнях семиозиса – семантики, синтактики и прагматики. На уровне семантики отражаются принципы отбора семантических констант, актуальных для данного этапа функционирования сверхтекста (выбор мифологической основы, ключевых оппозиций, системы образов и топосов). Уровень синтактики регулирует линейные связи между семантическими константами – последовательности сюжетного и композиционного типа, а также отношения между текстом и контекстом. На уровне прагматики осуществляются разные типы коммуникативных взаимодействий внутри субъектной системы текста, отношения между элементами триады «автор – текст – читатель» и процесс межсемиотического перевода (взаимодействия вербальных и визуальных, поэтических и прозаических языков, факта и вымысла). Граница между уровнем синтактики и прагматики размыта – контексту-

альные отношения важны как в аспекте линейной организации знаков, так и в аспекте коммуникации [1; 2; 6; 8; 30].

3. На стадии рефлексивного традиционализма (эйдетической поэтики) формируется риторическая модель сверхтекста. Структура оппозиций проецируется на систему мотивов, образов и топосов, в результате образуются готовые семантические пары, конкретизирующие ключевую оппозицию (город – деревня: бой барабанов / звук военной трубы – тишина / звук свирели; суэта – покой, придворный мир – семья, роскошь – простота). Топос имеет дуальную пространственно-риторическую структуру. Основным принципом организации линейных связей в тексте является принцип параллелизма, который предполагает возведение частного к общему, характерное для стадии рефлексивного традиционализма. Композиционную организацию текста определяет панегирический параллелизм, предполагающий последовательное сопоставление описываемого феномена с прецедентом. В субъектной структуре текста действие принципа параллелизма отражается в сопоставлении разных типов персонажей, представляющих полярные точки зрения и воплощающих оппозицию свое – чужое. Параллелизм протопсихологического типа строится на соположении природных и психологических / общественных процессов в структуре топоса. Смена художественных парадигм на рубеже XVIII–XIX вв. наиболее отчетливо отражается на уровне прагматики. Коммуникацию «я – Другой», выраженную в риторической модели конфликтом разных точек зрения, дополняет автокоммуникация, которая проблематизирует идентичность лирического героя. Актуализируются диалогические процессы между разными жанрово-тематическими традициями усадебной поэзии (горацианская, пасторальная, анакреонтическая). Граница между вербальным и визуальным размывается посредством метафорического взаимопроникновения полюсов оппозиции, слово и образ утрачивают свойство взаимопереводимости. Поэтические и прозаические варианты усадебного текста оказывают влияние друг на друга, что становится предпосылкой для формирования классической инвариантной модели [4; 21; 31; 32].

4. В структуре классической (элегической) модели, которая соответствует стадии эстетического креативизма (художественной модальности), наблюдается взаимодействие между уровнями семиозиса. Изменение субъектной структуры как результат формирования «уединенного сознания» оказывает влияние на семантическую организацию текста: актуализируется оппозиция внешнее – внутреннее. Линейные связи между элементами семантики регулируются сюжетом прогулки, который сменяет риторический сюжет выбора между разными образами жизни. Для интерпретации составляющих данного сюжета – «подвижных картин» – формируется система контекстов, связанных с литературной традицией, биографическими и историческими ситуациями. Деконтекстуализация усадебного текста в середине XIX в. означает изолированность текста от обстоятельств его

написания, а также его эстетическую самооценность. Интенсификация взаимодействия разных литературных традиций и интертекстуальных пластов на уровне прагматики вызывает трансформацию элегической автокоммуникации, которая дополняется механизмом культурной авторефлексии. Коммуникативные связи между вербальной и визуальной составляющими текста способствуют зарождению палимпсестного способа функционирования сверхтекста [7; 21; 32].

5. На неклассическом этапе (стадии постсимволизма) происходит трансформация элегической семантики сверхтекста, которая подчиняется метафорическому и метонимическому механизмам. Метафорический механизм является следствием интериоризации текстоорганизующего топоса –соединения реального и ментального пространства (усадебная культура как пространство личных воспоминаний). Метонимический механизм предполагает презентацию целого (русской культуры) посредством части (усадебной культуры). На уровне синтактики метонимический механизм проявляется в механизмах реконтекстуализации – реконструкции культурных контекстов функционирования сверхтекста. В коммуникативной структуре текста авторе-флексивная доминанта сменяется установкой на культурную метарефлексию. Формируется палимпсестная модель стихотворения, в которой разные контексты (интерпретационные коды) существуют одновременно и вступают во взаимодействие путем полемического столкновения (ироническая тенденция) или диалогического наложения друг на друга разных культурных традиций, интерпретационных кодов (метафизическая тенденция). Межсемиотическое взаимодействие характеризуется усилением трансгрессивной тенденции (размывание границ между вербальным и визуальным, поэтическим и прозаическим, художественным и документальным) [1–3; 11–26; 28–30].

Функционирование сверхтекста в литературном процессе подчиняется универсальным закономерностям и механизмам. Устойчивость семантики сверхтекста обеспечивает ему продолжительное функционирование в разных историко-литературных ситуациях на разных стадиях развития поэтики. Диалогические процессы на уровнях синтактики и прагматики позволяют сверхтекстовому ядру подстраиваться под изменяющиеся условия и обеспечивают гибкость сверхтекста. Таким образом, сверхтекст является важным фактором литературного процесса, обеспечивающим его преемственность и развитие.

Рекомендации по практическому использованию результатов

Основные положения и выводы исследования будут способствовать дальнейшей разработке теории сверхтекста и подходов к изучению различных локальных сверхтекстов мировой литературы, а также могут быть использованы в изучении истории русской литературы XVIII–XX вв. Сферами использования материалов диссертации в Республике Беларусь и за ее пределами могут быть вузовские курсы по теории и истории литературы, курсы по современной русской литературе.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (акты внедрения: от 09.09.2019 № 03-8/067, от 29.05.2020 № 03-8/017).

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Монографии

1. Гриневич, О. А. Усадебная поэзия рубежа XIX–XX вв.: переход к пост-усадебному периоду / О. А. Гриневич // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+ : коллек. моногр. / сост., отв. ред. и автор предисл. О. А. Богданова. – М., 2020. – С. 152–161. – (Сер. «Русская усадьба в мировом контексте»; вып. 3).

2. Гриневич, О. А. Сверхтекст как часть сериального нарратива современной культуры (на примере усадебного текста русской литературы) / О. А. Гриневич // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий : моногр. / Л. Г. Тульчинский [и др.] ; отв. ред. Т. Е. Автухович, под науч. ред. М. П. Абашевой, И. Л. Савкиной, М. А. Черняк. – Гродно, 2020. – С. 179–189.

Статьи в изданиях, соответствующих п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь

3. Гриневич, О. А. Усадебный текст в современной русской поэзии / О. А. Гриневич // ФИЛОЛОГОС. – 2018. – № 1 (36). – С. 12–22.

4. Гриневич, О. А. Усадебная поэзия XVIII в. как становление сверхтекста: риторическая традиция и постриторическая модель / О. А. Гриневич // Миргород. – 2019. – № 2 (14). – С. 42–60.

5. Гриневич, О. А. Усадебный текст как семиосфера: структура, модели формирования и трансформации / О. А. Гриневич // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 30–37.

6. Гриневич, О. А. Динамика функционирования усадебного сверхтекста русской литературы: семантика, синтактика, прагматика / О. А. Гриневич // Известия Смоленского государственного университета. – 2020. – № 1 (49). – С. 46–60.

7. Гриневич, О. А. Трансформация постриторической модели «усадебного текста» в поэзии А. А. Фета / О. А. Гриневич // Studia litterarum. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 220–233.

8. Грыневіч, В. А. Механізмы дынамікі лакальнага звыштэксту: на матэрыяле тэкста малой радзімы ў беларускай паэзіі / В. А. Грыневіч // Роднае слова. – 2020. – № 8. – С. 12–16.

9. Грыневіч, В. А. Узроўні семантычнай арганізацыі лакальнага звыштэксту: на матэрыяле тэкста малой радзімы ў беларускай паэзіі / В. А. Грыневіч // Роднае слова. – 2020. – № 9. – С. 3–6.

10. Грыневіч, О. А. Трансформация семантической парадигмы усадебного (сядзібнага) текста в белорусской поэзии / О. А. Грыневіч // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 6–13.

Статьи в научных журналах и сборниках научных статей

11. Грыневіч, О. А. Трансформация усадебного мифа в творчестве В. В. Набокова / О. А. Грыневіч // Наука – 2014 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – Ч. 1. – С. 160–163.

12. Грыневіч, О. А. Усадебный миф в автобиографическом романе В. В. Набокова «Память, говори» / О. А. Грыневіч // Наука – 2015 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2015. – Ч. 2. – С. 28–30.

13. Грыневіч, О. А. Усадебный миф в пространстве памяти / О. А. Грыневіч // Мир в слове. Слово в мире (к 70-летию кафедры русской и зарубежной литературы ГрГУ) / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2015. – С. 155–164.

14. Грыневіч, О. А. Тропы памяти: усадебный миф как принцип организации автобиографического текста / О. А. Грыневіч // Наука – 2016 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2016. – Ч. 2. – С. 23–26.

15. Грыневіч, О. А. Усадебный хронотоп в автобиографической и мемуарной прозе / О. А. Грыневіч // Антропология времени : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2016. – Ч. 2. – С. 28–37.

16. Грыневіч, О. А. Сюжет усадебной любви в произведениях И. А. Бунина и В. В. Набокова / О. А. Грыневіч // Уральский филологический вестник. Сер. «Драфт: молодая наука». – 2016. – № 5. – С. 72–82.

17. Грыневіч, О. А. Миф / топос дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина и В. В. Набокова / О. А. Грыневіч // Topos domu w literaturach wschodniosłowiańskich / Uniwersytet w Białymstoku ; pod red. J. Dziejic, A. Alsztyński, A. Sakowicz. – Białystok, 2017. – С. 23–30.

18. Грыневіч, О. А. Усадебный миф русской литературы в диахронической перспективе: динамика топоса / О. А. Грыневіч // Наука – 2017 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2017. – Ч. 2. – С. 81–83.

19. Гриневич, О. А. Феноменология реальности в поэтике усадебного текста: разрушение и сотворение мифа (на материале повести А. Белого «Котик Ле-таев») / О. А. Гриневич // Аксиологический диапазон художественной литературы : сб. науч. ст. / ВГУ имени П.М. Машерова ; сост.: В. Ю. Боровко [и др.], под науч. ред. В. Б. Боровко, О. В. Лапатинской. – Витебск, 2017. – С. 83–87.

20. Гриневич, О. А. Усадебная топика как средство создания автобиографического мифа Т. Кибирова / О. А. Гриневич // Мир в слове. Слово в мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2017. – Вып. 2. – С. 94–104.

21. Гриневич, О. А. Усадебная поэзия в русской литературе: инвариантные модели и механизмы развития / О. А. Гриневич // Русистика и компаративистика : сб. науч. тр. по филологии / МГПУ ; гл. ред. С. А. Васильев. – М., 2017. – Вып. XI, ч. II. – С. 34–51.

22. Гриневич, О. А. Усадебный канон в романе О. А. Ильиной-Боратынской «Канун Восьмого дня»: человек в пространстве культуры / О. А. Гриневич // *Estetyczne modele literatury rosyjskiej. Estetyka i światopogląd : przegląd artykułów / pod red. W. Biegluk-Leś, E. Pańkowskiej, A. Waczevskiej-Murdzek.* – Białystok, 2018. – S. 105–117.

23. Гриневич, О. А. Периферийные варианты сквозного текста как часть культурной семиосферы (на примере усадебного текста русской литературы) / О. А. Гриневич // Человек говорящий, пишущий, читающий в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович [и др.]. – Гродно, 2018. – Ч. 1. – С. 119–128.

24. Гриневич, О. А. Экфрасис в усадебном тексте русской литературы (на материале повести А. Н. Толстого «Граф Калиостро» и рассказа В. В. Набокова «Венецианка») / О. А. Гриневич // Русская усадьба : сб. Общества изучения русской усадьбы / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории и истории архитектуры и градостр-ва ; науч. ред.-сост. М. В. Нащокина. – СПб., 2019. – Вып. 25 (41). – С. 166–176.

25. Гриневич, О. А. Механизмы трансформации усадебной топика в посту-садебную эпоху / О. А. Гриневич // Мир в слове. Слово в мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2020. – Вып. 3. – С. 184–193.

26. Гриневич, О. А. Усадебный текст как ретранслятор культурной памяти в творчестве русских эмигрантов первой волны / О. А. Гриневич // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность : сб. науч. ст. / редкол.: Н. Зария [и др.]. – Будапешт, 2020. – С. 266–276.

27. Гриневич, О. А. [Рецензия] / О. А. Гриневич // Миргород. 2020. – № 16. – С. 283–286. – Рец. на кн.: Богданова, О. А. Усадьба и дача в русской литературе

XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология : моногр. / О. А. Богданова. – М. : ИМЛИ РАН, 2019. – 288 с.

Материалы научных конференций

28. Гриневич, О. А. Усадебный миф в автобиографической прозе И. А. Бунина и В. В. Набокова («Жизнь Арсеньева» и «Память, говори») / О. А. Гриневич // Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Брест, 19–20 фев. 2015 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. М. Садко, Н. В. Новгородская, под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест, 2015. – С. 54–59.

29. Гриневич, О. А. Усадебный текст русской литературы в аксиологическом измерении / О. А. Гриневич // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы XVII и XVIII всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. Ф. Лосева, Москва, 24–25 нояб. 2016 г., 23–24 нояб. 2017 г. / редкол.: И. Г. Минералова [и др.]. – М., 2017. – С. 19–29.

30. Гриневич, О. А. Усадебный текст в современной русской поэзии: семантика, синтактика, прагматика [Электронный ресурс] / О. А. Гриневич // Актуальные проблемы и перспективы русистики : материалы по итогам Междунар. науч. конф. русистов в Барселонском университете, Барселона, 20–22 июня 2018 г. / гл. ред.: Ж. Кастельви [и др.]. – С. 64–73. – Барселона, 2018. – Режим доступа: <http://stel.ub.edu/slavia/mkr2018/?lang=ru>. – Дата доступа: 22.12.2018.

31. Гриневич, О. А. Усадебная поэзия XVIII века: текст и контексты / О. А. Гриневич // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы V рэсп. навук.-практ. канф. маладых навукоўцаў, Мінск, 22 сак. 2019 г. / БДУ ; рэдкал.: В. У. Зуева (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2019. – С. 3–9.

32. Гриневич, О. А. Визуальность в усадебной поэзии XVIII – начала XX в. / О. А. Гриневич // 80-летие елецкой филологии : материалы Междунар. науч. конф., Елец, 17–19 окт. 2019 г. / ФГБОУ ВО «Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина» ; отв. за вып.: С. А. Ломакина, О. А. Харитонов. – Елец, 2019. – С. 89–97.

РЕЗЮМЕ

Гриневич Ольга Артуровна
Сверхтекст как феномен литературного процесса:
закономерности и механизмы развития
(на примере усадебного текста в русской поэзии)

Ключевые слова: сверхтекст, топос, семиосфера, семиозис, семантика, синтактика, прагматика, усадебный текст.

Цель исследования – обосновать теоретическую модель функционирования и развития сверхтекста как феномена литературного процесса на примере усадебного текста в русской поэзии.

Методы исследования – структурно-семиотический, генетический, историко-типологический с элементами культурно-исторического подхода.

Полученные результаты и их новизна. Выявлены структурные особенности сверхтекста как семиосферы, организованной по модели «центр – периферия»; раскрыта специфика функционирования сверхтекста на уровнях семантики, синтактики и прагматики; определены особенности функционирования сверхтекста на этапе его формирования, соответствующем стадии рефлексивного традиционализма, с учетом уровней семиозиса; охарактеризованы переходные процессы в сверхтекстовой структуре на этапе формирования классической модели (стадия эстетического креативизма), показаны ее инвариантные характеристики на разных уровнях семиозиса; выявлены механизмы рецепции сверхтекста как носителя культурной памяти на неклассическом этапе (стадии постсимволизма), способы трансформации семантики сверхтекста и интенсификации межсемиотических коммуникативных процессов.

Рекомендации по использованию и область применения. Основные положения и выводы исследования будут способствовать дальнейшей разработке теории сверхтекста и подходов к изучению различных локальных сверхтекстов мировой литературы, а также могут быть использованы в изучении истории русской литературы XVIII–XX вв. Сферами использования материалов диссертации в Республике Беларусь и за ее пределами могут быть курсы по теории и истории литературы в высших учебных заведениях, курсы по современной русской литературе.

РЭЗІЮМЭ

Грыневіч Вольга Артураўна

Звыштэкст як феномен літаратурнага працэсу: заканамернасці і механізмы развіцця (на прыкладзе сядзібнага тэксту ў рускай паэзіі)

Ключавыя словы: звыштэкст, топас, сяміясфера, семіёзіс, семантыка, сінтактыка, прагматыка, сядзібны тэкст.

Мэта даследавання – абгрунтаваць тэарэтычную мадэль функцыянавання і развіцця звыштэксту як феномену літаратурнага працэсу на прыкладзе сядзібнага тэксту ў рускай паэзіі.

Метады даследавання – структурна-семіятычны, генетычны, гісторыка-тыпалагічны з элементамі культурна-гістарычнага падыходу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Выяўлены структурныя асаблівасці звыштэксту як сяміясферы, арганізаванай па мадэлі «цэнтр – перыферыя»; раскрыта спецыфіка функцыянавання звыштэксту на ўзроўнях семантыкі, сінтактыкі і прагматыкі; адзначаны асаблівасці функцыянавання звыштэксту на этапе яго фарміравання, які адпавядае стадыі рэфлектыўнага традыцыяналізму, з улікам узроўняў семіёзісу; ахарактарызаваны пераходныя працэсы ў звыштэкставай структуры на этапе фарміравання класічнай мадэлі (стадыя эстэтычнага крэатывізму), паказаны яе інварыянтныя характарыстыкі на розных узроўнях семіёзісу; выяўлены механізмы рэцэпцыі звыштэксту як носьбіта культурнай памяці на некласічным этапе (стадыі постсімвалізму), спосабы трансфармацыі семантыкі звыштэксту і інтэнсіфікацыі міжсеміятычных камунікатыўных працэсаў.

Рэкамендацыі по выкарыстанні і галіна прымянення. Асноўныя палажэнні і вывады даследавання будуць садзейнічаць далейшай распрацоўцы тэорыі звыштэксту і падыходаў да вывучэння розных лакальных звыштэкстаў сусветнай літаратуры, а таксама могуць быць выкарыстаны ў вывучэнні гісторыі рускай літаратуры XVIII–XX стст. Сферамі выкарыстання матэрыялаў дысертацыі ў Рэспубліцы Беларусь і за яе межамі могуць быць курсы па тэорыі і гісторыі літаратуры ў вышэйшых навучальных установах, курсы па сучаснай рускай літаратуры.

SUMMARY

Hrynevich Volha

**Supertext as a phenomenon of the literary process:
patterns and mechanisms of development
(on the example of a manor text in Russian poetry)**

Keywords: supertext, topos, semiosphere, semiosis, semantics, syntactics, pragmatics, the manor text.

The purpose of the study is to identify a theoretical model of the functioning and development of supertext as a phenomenon of the literary process on the example of the manor text in Russian poetry.

Research methods – structural-semiotic, genetic, historical-typological and cultural-historical methods.

The results obtained and their novelty. The structural features of supertext as a semiosphere, organized according to the «center – periphery» model, are revealed; the specifics of the functioning of supertext at the levels of semantics, syntax and pragmatics are detected; the peculiarities of the functioning of the supertext at the stage of its formation, corresponding to the stage of reflective traditionalism, taking into account the levels of semiosis, are determined; the transients in the supertext structure at the stage of formation of the classical model (the stage of aesthetic creativity) are characterized, its invariant characteristics at different levels of semiosis are shown; the mechanisms of reception of supertext as a carrier of cultural memory at the nonclassical stage (stage of postsymbolism), transformation of semantics semantics and intensification of intersemiotic communicative processes are revealed.

Recommendations for further use and sphere of applications. The main positions and conclusions of the study will contribute to the further development of the theory of supertext and approaches to the study of various local supertexts of world literature, and can also be used in the study of the history of Russian literature of the XVIII–XX centuries. Areas of use of the dissertation materials in the Republic of Belarus and abroad may be university courses in theory and history of literature, courses in modern Russian literature.

